

© 2023 г.

С.А. КРАВЧЕНКО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Автор анализирует геополитические и социо-цифро-природные вызовы России, ее человеческому капиталу, обусловленные кризисом либеральной модели мира, переходом от однополярного к многополярному миру, процессами гибридизации реальности. Показывается, как их причинность и последствия для социума и природы односторонне и политизированно трактуются в доминирующей на Западе либеральной социологии, претендующей на «универсальность» своих теорий. Ответом на эти вызовы стал процесс суверенной модернизации России в экономике, цифровых технологиях, сферах науки, образования, здравоохранения. В этом контексте востребована суверенизация отечественной социологии, понимаемая как национально ориентированные междисциплинарные теории с социологическим стержнем, основанные на учете современных трендов сложности и нелинейности становления многополярного мира, гибридизации социо-цифро-природных реалий. Обосновываются оптимальные пути воспроизводства человеческого потенциала, совершенствования образа жизни россиян, повышения конкурентоспособности всего российского, «очеловечивания» макро- и микромира природы.

Ключевые слова: геополитика • кризис • либеральная модель глобализации • суверенизация/десуверенизация • гибридизация реальности • национально ориентированная социология • человеческий капитал

DOI: 10.31857/S013216250022096-8

Семь, на наш взгляд, вызовов радикально меняют геополитические, культурные и социо-цифро-природные реалии России и мира, требуя их актуального социологического осмысления для рефлексии научного знания и обоснования концепции суверенизации отечественной социологии, нацеленной на корректировку предмета социологии, обновление образовательного процесса, его ориентации на суверенное развитие страны.

1. Кризис либеральной модели глобализации. В конце XX в. глобализация была американоцентричной, осуществлялась как либеральная модель с доминированием культуры, политических и экономических ценностей США. Ее характерный дискурс – «эталон» социального порядка Америки для других стран, обоснованный Т. Парсонсом с помощью социальных, культурных и эволюционных «универсалий», адекватных-де для всех человеческих обществ [Parsons, 1964]. Процессы глобализации сопровождались культивированием американофилии, мифологизацией фактических реалий англосаксонского мира [Robertson, 1980]. Как считает Э. Гидденс, глобализация «несет отпечаток политического и экономического могущества Америки» [Гидденс, 2004: 19–20]. Однако это могущество подвергалось перманентным вызовам. Их минимизация осуществлялась по американским

лекалам формальной рационализации, прагматизации и меркантилизации. Их выражением стала макдональдизация, глобально распространявшаяся американизированная *иррациональная рациональность*, охватывающая практически организацию всей общественной жизни – воспитания, образования, здравоохранения, СМИ, вплоть до сексуальных отношений и организации похорон, перманентно воспроизводя «отчуждение человеческого разума», «фальшивое чувство общности» и «дегуманизацию» [Ritzer, 2000: 141–145]. Подходы к обоснованию такого мира были изначально империалистскими: они исходили из «должного» обеспечения Америки и Запада сырьем и продовольствием из других стран. Согласно И. Валлерстайну, доминировало «ядро» государств богатого Севера, обеспечивающих рост капиталов, благосостояние и безопасность за счет таких факторов, как высокоуглеродные производства и потребление. «Успехи» жизненных шансов населения «периферийных» и «полупериферийных» государств обусловлены принятием американских ценностей и «правил» – они инфраструктурно зависимы [Валлерстайн, 2020]. З. Бауман выявил суть такой глобализации: «незапланированные и непредвиденные побочные эффекты “негативной глобализации”», в частности «анклавизации» – жители анклавов «невидимы», «немыслимы», с ними нет коммуникаций [Bauman, 2006: 45].

Начало разрушению мифов и иллюзий этой модели глобализации, внедренной в социальные науки и институты образования (болонская система обучения), положил мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., активизировавший сопротивление локальных цивилизаций и национальных государств. Пошел процесс деглобализации и, соответственно, демистификации универсалий «свободного мира». Как отмечает В. Рудометоф, «мир не движется к мистической однородности», фактически он «состоит из фрагментов и синтезов» [Roudemetof, 2016: 79]. Р. Робертсон видит формирование качественно новой «глобо-локальной реальности», ведущей к плюрализации мира, неравенствам между нациями при увеличении роли локальных акторов [Robertson, 2014]. В ответ на эти вызовы развернулись процессы, с одной стороны, суверенизации, с другой – десуверенизации в виде добровольной или принудительной американизации. У. Бек отмечал: сформировался «образ мира, в котором одна нация обладает супер-суверенитетом (догадаетесь какая), другим нациям даруется лишь условный суверенитет. Проблема коллапса границ между национальным и интернациональным разрешается в пользу “американского национализма интернационального”. Зарождается новый тип постнациональной политики “военного гуманизма”. Ее обоснование дано в концепции “гуманитарной интервенции”, предполагающей “космополитическую монополию Запада на мораль, право и насилие”, – “политический двойной стандарт интервенционистской политики за права человека очевиден”, что “легитимирует нелегитимные войны”... Что еще хуже, страны, подвергшиеся подобным интервенциям, становятся политически деморализованными» [Beck, 2007: 125, 137, 143, 144]. В это время в России начались исследования кризиса либеральной глобализации [Осипов, 2009].

«Универсалиям» либерального социального знания противостояла суверенизация социологии, которая, разумеется, не предполагает отрицания достижений мировой социологической мысли и национальных социологий, изначально направлявшихся на решение проблем конкретных стран. Социология Э. Дюркгейма отражала доминировавшие после Великой французской революции¹ идеалы свободы, равенства, братства и счастья, что нашло выражение в постулировании роли общественного разделения труда в прогрессе общества и необходимости преодоления аномии. К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали реалии британского капитализма на основе анализа положения английских рабочих. При всех декларациях «свободы от оценок» [Вебер, 1990: 547–600] «понимающая» социология абсолютизировала немецкую рациональность, индивидуалистическую систему ценностей. Представители Чикагской школы стремились прагматично решать проблемы американского общества. При этом постулировалась интернациональная значимость этих теорий.

¹ И поражения Франции в войне с Пруссией.

Перед советской социологией также ставились интернациональные задачи: «изучение изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества, определение показателей и конкретных путей сближения классов..., разработка путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [Иванов, 2018: 21].

Что принципиально сохранилось с тех пор при всех изменениях реалий и предмета социологии? Претензия на интернационализацию знания, производимого, подчеркнем, в национально-локальных и исторических контекстах. Когда в странах по разным причинам не складывались возможности создания собственных национально ориентированных теорий, то, по М. Элброу, осуществлялся процесс их индигенизации (отуземнивания) [Albrow, 1990], сопровождаемый их соответствующей адаптацией к национальным реалиям: возникли советский марксизм-ленинизм, китайский марксизм и т.д. В России на рубеже веков, по существу, осуществлялась индигенизация либерально ориентированной социологии – студенты учились по учебникам Н. Смелзера, П. Штомпки, Э. Гидденса. Это вело к доминированию в научных и учебных изданиях америкацентричной социологии, ее «универсализации». В.В. Радаев выступал за «интернационализацию социологии»: «Часть программ или по крайней мере возрастающая часть дисциплин должна преподаваться на английском языке и в конвертируемом виде. Нужна более активная работа на английском языке в целом – исследовательская и образовательная» [Радаев, 2013: 16]. В.А. Ядов утверждал, что национальная русская социология «нужна идеологам российской исключительности. Научному сообществу социологов доморощенная теория, будь она предложена, вряд ли принесет прирост серьезного знания об отечественных реалиях» [Ядов, 2008: 19]. Хотелось бы подискутировать: теории отечественной социологии могут, не абсолютизируя российскую действительность, осуществлять приращение знания о мировых реалиях. Пример – теория гло-локал-анклавизации [Ядов, 2001]. К достоянию отечественной социологии сегодня можно добавить ряд теорий, вошедших в мировую социологическую мысль: теория сложного общества, созданная на основе диагностики России (М.К. Горшков); парадоксального человека, кентавризма, «общества травмы» (Ж.Т. Тощенко); динамики поля социологии в современном мире (А.Г. Здравомыслов) и др.

Все подходы к интернационализации социологии предполагали идейно-политическое содержание; ее суть имеет исторический национальный контекст; всегда налицо диалектическое единство национального и интернационального в социальном знании, содержание которого зависит от положения дел в стране и вызовов геополитики. Проблемы России и её науки никто, кроме российских ученых, решать не будет. Некоторые из них выделил чешский социолог: наследие советской модернизации, способствующее/препятствующее развитию современного российского общества; как сделать так, чтобы страна с таким человеческим капиталом, как Россия, была лучше; и главное: «если российская социология стремится “догнать” западную, ей определенно не хватает амбиций “обогнать”» [Шуберт, 2021: 6, 7, 10].

2. Вызовы однополярному миру: амбивалентности суверенизации/десуверенизации. Становление многополярного мира прогнозировал П. Сорокин в виде трех долговременных тенденций: «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [Сорокин, 1997: 11]. Эти процессы, хаотизирующие сознание мирового сообщества, продолжаются. Полагаем, российским ученым необходимо дать свой анализ совокупности защитных средств и механизмов, используемых коллективным Западом для сохранения однополярного мира. Фундированную интерпретацию получают его явные стремления легитимировать политические сдержки, санкции, изолировать от «свободного мира» страны, означенные как

«тоталитарные режимы». Однако *латентные* методы и средства, особенно те, которые травмируют сознание и воздействуют на коллективное бессознательное, недооценены в отечественной социологии. Для понимания глубинных факторов русофобии, реанимации вытесненной в коллективное бессознательное мести за поражения Запада от России необходимо *новое прочтение социального и гуманистического психоанализа* применительно к анализу ментальности россиян в ее сравнении с другими народами. Нужны неординарные социологические исследования того, как формируются этнические родства и братства, происходят их расколы, обусловленные исторически сложившимися эмоциональными связями, передаваемые через поколения: «Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга – южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает труднопреодолимая антипатия – галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, – нас перестало удивлять» [Фрейд, 1997: 447]. Особенно важна нарциссическая природа культурных идеалов Запада, столетиями культивировавших самовлюбленность, превосходство своих достижений по отношению к тому, что исповедуют, чего добились представители других цивилизаций. «Культурные идеалы становятся поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций». Возникает, казалось бы, невысказанный парадокс: «угнетенные идентифицируют себя с повелевающим и эксплуатирующим их классом». Ученый верил, что эти иллюзии могут быть преодолены с помощью культивирования духа науки и формирования интеллектуализированного поведения: «голос интеллекта тих, но он не успокаивается до тех пор, пока его не услышат» [Фрейд, 1997: 488, 523]. Эта задача оказалась весьма трудной; сегодня она обретает теоретическую и практическую актуальность, когда «российское общество находится на “развилке”, причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России» [Шарков и др., 2017: 525]. Предстоит исследовать и выработать практические рекомендации, как избежать расколов типа того, который произошел в «едином советском народе»; что предпринять для вытеснения из коллективного бессознательного иллюзорности и мифичности западных либеральных идеалов, ныне утративших связь с практической реальностью; как преодолеть антропосоциокультурную травму, которая «снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворенность жизнью» [Лапин, 2021: 102]. Особо значимо исследование национально-культурных особенностей стран-членов ШОС, участвующих в формировании новых партнерских отношений и союзов, стремящихся к суверенитету и становлению многополярного мира. Декларированные «единства» и «союзы», основанные на экономической интеграции, не обладают живучестью, *предрасположены к расколам*. В качестве гипотезы выскажем суждение: постулат Э. Фромма о том, что «деструктивность развивается в результате блокировки плодотворной энергии» [Фромм, 1997: 179], следует распространить на функциональность союзов и партнерств – в их основаниях должны быть не только политические интересы элит, но также институционализированные рутины (особенно воспитательные и образовательные), целенаправленно формируемые общие коллективные габитусы, регулярные практики сотрудничества народов, обусловленные дискурсом суверенитета. Общество является *здоровым*, если у его членов осуществляется «удовлетворение потребности в созидании» [Фромм, 1995: 304]. По аналогии международные союзы становящегося многополярного мира будут жизненными, функциональными при условии реального участия народов в реализации самых *разнообразных* общих целей. Еще необходимо учесть, что контуры многополярного мира обусловлены *локальными особенностями среднего и микроуровня* его создателей и участников: национальный характер, хотя и меняется, по своей природе ригиден, образует относительно стабильную систему неинстинктивных стремлений, ориентаций и установок. Для его западного «идеального типа»

свойственна ориентация на рынок, что воспроизводит специфические амбивалентности: с одной стороны, практичность, бережливость, старательность, осмотрительность, упорство, приверженность порядку, с другой – скупость, подозрительность, холодность, обеспокоенность, упрямство, одержимость, собственничество [Фромм, 1995: 338–356]. Сущность национального характера российского типа другая – «человек жил и по-прежнему живет во имя человека, а не во имя денег» [Горшков, 2020: 327]. Вместе с тем для него свойственны черты, которые порой успешно эксплуатируются недружественными странами, партнерами и союзниками: *доверчивость* (не личностное качество М. Горбачева или Б. Ельцина); *идеализация отношений* (если любовь, то «до гробовой доски»; если дружба, то «навек»). Для россиян понятия «честь имею», «долг платежом красен», «дал слово – держи его» наделены сакральным смыслом. При этом воспроизводятся иллюзии, что Другому тоже свойственны эти качества); *щедрость* (воспринимаемая подчас как «долг» оказывать безвозмездную помощь, делиться результатами побед, а ныне и природными ресурсами); *полагание на авось*. Сохраняется «надежда на то, что все в конечном счете как-нибудь «рассосется»» [Горшков, Петухов, 2016: 359]. Однако в исторические периоды радикальных преобразований и вызовов суверенитету России иллюзии вытеснялись из коллективного сознательного и бессознательного – народ полагался на собственные силы в отстаивании своих ценностей, идей, веры. Несомненно, на облик многополярного мироустройства, характер составляющих его союзов и партнерств будет оказывать влияние совокупность глобо-локальных факторов: исторический опыт противоборства/партнерства цивилизаций, возникшие вызовы; характер суверенности/десуверенности национальных акторов; особенности экономических и политических интересов стран; специфика коллективного бессознательного и национальных характеров и другое. Необходимо раскрыть сложности неизбежного перехода к многополярному миру, показывая, что Запад, вводя санкции и другие «сдержки» против России, «стреляя себе в ногу», не иррационален. Он прагматичен в защите экзистенциальных интересов на мировой диктат. Без него Запад перестанет быть Западом – сегодня «авось уладится» даже гипотетически невозможно, ибо идет не урегулирование противоречий, а их разрешение, – по К. Марксу, скачок в общественном развитии, предполагающий переход человечества в новую стадию с лишением одной из сторон ее специфических экономических и политических атрибутов [Маркс, 2000].

3. **Внутрицивилизационные вызовы** нелинейно воздействуют на все человеческие цивилизации [Tiryakian, 2014], что востребовало принципиально иные типы модернизации, обоснование которых осуществляется в контексте «цивилизационного поворота», предполагающего возрастающую значимость человеческого потенциала по отношению к материально-экономическим факторам. Социологи стали трактовать модернизацию как «вторичную осевую революцию», сопряженную с необходимостью решения новых онтологических противоречий [Эйзенштадт, 1995]. Ныне в России начался процесс становления *суверенной модернизации*, ориентированной на развитие национального человеческого капитала. Ее темпы различны в разных сферах: утвердился политический суверенитет, идет суверенизация экономики и технологий, производства продуктов питания, что выражается в замещении импорта. Для успешного вхождения в многополярный мир, обеспечения в нем конкурентоспособных и лидерских позиций необходимы *суверенные науки, особенно социальные, отечественное образование* (в контексте «культуры отмены» на Западе игнорируют наши образовательные дипломы). Особенно важна *суверенная государственная идеология*. Ее кроме российских ученых никто разрабатывать не будет.

4. **Вызовы «нового варварства».** Глобальное «открытое общество», теоретически обоснованное К. Поппером, функционирующее-де на основе «прозрачных границ», создающее благоприятные условия для человечества [Popper, 2020], всегда было западнотричным, явно и латентно закрытым для «варварских» культур. Под «новым варварством» нами подразумеваются осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных

и духовных, нормативных основ общества, как и природы [Зарубина, Кравченко, 2022: 31–44]. Данный тип варварства, которым означаются незападные цивилизации, порожден неолиберализмом. С одной стороны, «новое варварство» выполняет функцию «универсализации» собственной «цивилизованной» культуры, политического устройства, их доминирования над чуждым «варварским» окружением, с другой – оправдывает насилие в отношении «чужаков», культурных ценностей, норм поведения, маркируемых как «нецивилизованные», «варварские» [Малашенко и др., 2018: 6–22]. Одним из инструментов утверждения «нового варварства» являются *скандалы и провокации* [Дмитриев, Сычев, 2014]. Природа провокаций усложняется: организуются «цветные революции», террористические акты и войны под чужим флагом. Сложность современных провокаций еще и в том, что нелегитимные действия их исполнителей легитимируются Западом, а «виновные» просто маркируются с помощью политических перформансов, цели которых, считает Дж. Александер, способствовать стиранию различий между реальным и инсценированным [Alexander, 2017: 102–103]. Политические акторы, втянутые в провокации, как правило, дают на них ранее не практиковавшиеся ответы, что ведет к раскручиванию *спирали варварства*. Особо отметим такой механизм легитимации «нового варварства», как эффекты «окна Овертона» (названы в честь американского социолога и психолога Дж. Овертона, исследовавшего, как в высокоцивилизованном обществе можно «взрасстить» любую деструктивную идею). Их суть в том, что однажды чуть приоткрытое «окно» в сакральное в итоге распахивается настежь: ранее неприемлемые патологии, переходя поэтапно от абсолютно невозможного к радикальному, а от него к «нормальности», легитимируются и проникают в научное социальное знание. Вот примеры: теории постгуманизма, которые подверглись обстоятельной критике [Катерный, 2021]; более двадцати лет в научном обороте критическая расовая теория, рассматривающая расу как социальный конструкт культурных и политических идей, расизм – как сложную систему институционализированных практик, порожденных кодированием смысла [Winant, 2001; Collins, 2005]; квир социологическая теория, начавшись с исследований девиантных кейсов, по существу, отрицает нормальность гетеросексуальности [Corber, Valocchi, 2003]. Разновидностью «нового варварства», ее конкретной формой стало «цифровое варварство», представленное теориями *постгуманизма* (наделение природы субъектностью и отказ от гуманистического антропоцентризма) и *трансгуманизма* (проявляется в техноцентризме и культе прогресса вплоть до цифровых и биотехнологических «улучшений» человека). Они проникли в Россию – возникло трансгуманистическое движение, в манифесте которого декларируется: «в ближайшие десятилетия новейшие технологии кардинально изменят человека и человеческое общество»². По существу, раскручивается *спираль «нового варварства»*, чему может противостоять суверенная социология.

5. Вызовы гибридации социо-цифро-природной реальности. В условиях перехода от традиционного общества к индустриальному модерну социум существовал как таковой в виде относительно устойчивой общности людей, характеризующейся единством жизнедеятельности. Его природу изучали родоначальники социологии, обосновавшие «объективные законы» общественного развития. Последующие поколения социологов исследовали его *усложняющуюся динамику* вплоть до «конца социального» [Бодрийяр, 2003]. Разумеется, это метафора. Но ее смысл в том, что «чистого» социума больше нет, хотя в подавляющем большинстве учебников по социологии приоритет отдан теориям социального. Аналогично: средства производства мыслились в отношениях дуализма к людям, представляя независимую субстанцию, и это до определенного времени соответствовало действительности. Однако последующие модернизационные процессы вели к поэтапному «очеловечиванию», «интеллектуализации» техники: автоматы – роботы – киборги, функционирующие на основе принципов *цифровизации* и *искусственного*

² Манифест российского трансгуманистического движения (электронный ресурс). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 17.08.2022).

интеллекта. Формально рациональное освоение природы, ее прагматическое «очеловечивание» завершилось ее «концом». Англосаксонские социологии анализируют эти вызовы преимущественно через призму абсолютизации либеральных ценностей. В их теориях есть, несомненно, ценные новации. Э. Гидденс обосновал эффект усложнения рисков, их интерференцию в пространствах и временных координатах, назвав его «парадоксом Гидденса» [Giddens, 2009: 2–3]. Как считает Дж. Урри, гибридизация «социальных и физических/материальных миров» привела их к «полному переплетению» [Urry, 2011: 8], способствуя «альтернативности будущих обществ», распространению «нового катастрофизма», «невидимости» многих глобальных опасностей. М. Кастельс, как нам видится, идет дальше. Прodelав критический анализ формальных, прагматических подходов, он обосновал «надежду на лучшую гуманность... прямое отношение к позитивной эмоции: надежде» [Castells, 2015: 3, 14]. Ее квинтэссенция видится в торжестве «ценности жизни над ценностью денег» [Castells, 2017: 1]. Чтобы быть не «догоняющими», а пионерами, российским социологам необходимо осмыслить синергетичную сложность становления гибридных реалий при переходе к многополярному миру, предложить теорию суверенной модернизации, показать, как сохранить наше общество именно Россией, создать национальную модель цифровизации и осуществлять гуманистическое освоение макро- и микромиров, сохранив их уникальность и приумножая наш человеческий капитал.

6. Вызовы нелинейных трендов развития: «переоткрытие» роли инноваций и традиций. П.А. Сорокин был пионером в создании теории, обосновывающей нелинейный тип развития в виде «бесцельных исторических флуктуаций» [Сорокин, 1992: 310]. Затем лидерство в изучении нелинейных трендов развития перешло к зарубежным социологам. П. Штомпка предложил теорию становления, нацеленную на изучение перманентной незавершенности развития структур и их функций, что воспроизводит социальные и культурные травмы традиций, увеличивающие инновации [Sztopka, 1991]. Ж. Делез и Ф. Гваттари дали теорию ризомного развития, метафорически интерпретирующую беспорядок и хаос: внеструктурные практики организации целостности подобны «скрытому стеблю», обладающему способностью принимать «некорневую» конфигурацию [Делез, Гваттари, 1996]. Как считает У. Бек, в условиях цифровой модернизации доминирует процесс «метаморфизации» в противоположность социальному изменению, создающий качественно новые последствия для функциональности социума и природы – и немыслимые бедствия, и оптимистические возможности воплощения в жизнь «позитивных побочных эффектов плохого» [Beck, 2016: 4]. Сейчас в отечественной социологии вновь утверждается лидерство в осмыслении нелинейных трендов развития – мы перестали быть «догоняющими». Ж.Т. Тощенко обосновал развернутую теорию «общества травмы», имея в виду «противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов» [Тощенко, 2019: 25]. Разрывы и травмы востребовали «переоткрытие» роли инноваций и традиций, к обоснованию чего российские и западные социологи подходят по-разному. Представители либеральной социологии, как правило, изучают инновации в контексте процесса «детрадиционализации» [Гидденс, 2004: 60–61], логически приведшего к «культуре отмены». Квинтэссенция ее явных и латентных функций выражена в легитимации патологий, обусловленных кризисом неолиберализма; в борьбе с незападными цивилизациями, ведущейся с использованием всех проявлений «нового варварства»; попытках низвергнуть историческую память; «закрытии» России, Китая и стран, выступающих за многополярный мир; легитимации нового «железного занавеса»; «отмене» гомо сапиенса посредством гибридных макро-микрорисков чипизации мозга человека, которому противопоставляется постчеловек; в «научном обосновании» «ограниченных» ядерных, химических, эпидемиологических и других катастроф. Более того, нигилизм в отношении традиций, по нашему мнению, усложняет уязвимости: в странах, где игнорируются традиционные подходы к безопасности, осуществляется концентрация биотоксичных веществ и е-мусора; если Ч. Перроу, по существу, выводил за скобки человеческий фактор («теория нормальной аварии исходит из того..., что каждый индивид выполнял бы свои роли

настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку» [Perrow, 2011: xxii]), то детрадиционализация его актуализирует, ибо прагматическая инновационность человеческой деятельности амбивалентна, предполагая и созидание, и деструктивность.

Российские социологи подчеркивают сохраняющуюся функциональную и духовную значимость традиций. «Для современных россиян традиция – это не архаика, а то, что воспроизводится в конкретно-исторических условиях жизни общества и социальных групп в силу своей целесообразности, практической и духовно-нравственной полезности» [Горшков, 2020: 263]. Мы предложили концепцию «поворота ригидности», обосновав значимость долговременно функционирующих реалий для устойчивого развития российской цивилизации в условиях неопределенностей [Кравченко, 2021: 12–22]. Полагаем, только в рамках суверенизации отечественной социологии можно сформировать валидное представление о возможностях диалектического интерфейса инноваций и традиций общества травмы.

7. Вызовы доверия научному знанию. В связи с кризисом американоцентричных оснований глобализации возникли по крайней мере три качественно новых вызова доверию социологическому знанию: 1) постановка под вопрос, по существу, монополии либеральной западной социологии на «универсализацию» теоретико-методологического инструментария и, соответственно, интерпретацию истины и лжи, цивилизованности и варварства. Коллеги из КНР принципиально не участвуют в гонке за публикации в западных изданиях, входящих в Scopus и Web of Science, ставя под вопрос критерии их валидности. Ряд западных социологов стал сомневаться в целесообразности прагматической ориентации современного социологического знания, в абсолютизации новейших технологий, особенно цифровизации, что умаляет значимость символической культуры и человеческого духа; 2) востребовано «научное не-знание» (У. Бек), а также теологическое знание. Обосновал сотрудничество науки и религии З. Бауман, отметивший необходимость вместе выступать против претендентов на монополию в понимании добра и зла, добродетели и порока, истины и лжи [Bauman, Obirek, 2015]; 3) актуализировались поиски альтернативных (вне либеральной социологии) путей к выработке знания, учитывающего полярности Запада и Востока, суверенизацию и десуверенизацию. Ученые ФНИСЦ РАН с коллегами из КНР, Сербии и других стран издали ряд коллективных монографий. Полагаем, это начало большого пути к суверенизации социологий.

* * *

В России есть учебники по американской, английской, немецкой социологии. Однако нам не известно ни одного учебника по российской социологии. Исходя из изложенного, обоснуем, что в общем виде нами понимается под **суверенной отечественной социологией**.

1. Ее квинтэссенция – *национально ориентированные усилия социологов*, нацеленные на воспроизводство человеческого потенциала страны, качественное совершенствование и гуманизацию нашего образа жизни, повышение конкурентоспособности всего российского в стране и мире. 2. Приоритетна разработка *национальной государственной идеологии*, определяющей облик будущего страны и ее место в многополярном мире. 3. Подготовка студентов к новому типу управления, учитывающего эффекты «стрелы времени»: скорость принятия решений, действия на опережение конкурентов; учет *ненамеренных последствий*; корректировка итоговых результатов, которые никогда не могут полностью соответствовать плану, но должны сохранять ориентацию на модернизацию, исходя из базовых постулатов государственной идеологии; включение социогуманитарного компонента в развитие и воспроизводство социального и человеческого капитала на базе высокоразвитых науки, культуры, образования, здравоохранения. 4. Разработка инструментария оптимизации социальной жизни россиян: социогуманитарная экспертиза; методы исследования условий свободной деятельности людей; обоснование национального варианта демократической системы, обеспечивающей воспроизводство социального доверия граждан к политическим институтам. 5. Вклад в становление *суверенного*

образования как средства социализации молодежи, позволяющей ей активно противостоять геополитическим вызовам России, гуманизировать экономику и цифровизацию, искусственный интеллект с целью перманентного воспроизводства человеческого капитала страны. 6. Междисциплинарность социологического знания: не отрицание и не абсолютизация либеральной социологии, а критическое осмысление ее теоретико-методологического инструментария, овладение всеми гуманистическими достижениями, которые выработала мировая социальная мысль. 7. Она основана на меж- и постдисциплинарных парадигмах с социологическим стержнем – ее предметом является изучение жизни в контексте парадоксов, травм, метаморфоз, нелинейного развития, гибридной социальной и технической/цифровой реальности, включая теории хаоса, сложности, цифровизации и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности становящегося многополярного мира. 8. У разных поколений отечественных социологов есть достижения, которые следует актуализировать [Социология в России, 1998]. Имена российских социологов известны в стране и мире [Тощенко, 2015]. 9. Методология отечественной социологии динамично меняется и совершенствуется; ныне она может усложняться, включать использование инструментария и исследовательских приемов институционального и неинституционального знания, – главное, чтобы эти приемы позволяли изучать тенденции и вызовы многополярного мира, нелинейной динамики, гибридизации социума, техники и природы, противостояли постгуманизации. 10. Признание актуальных проблем России и, соответственно, отечественной социологии, которые никто за нас не решит, не исключает, но предполагает научное сотрудничество с представителями всех стран без деления их на «высшие» и «низшие» по любым признакам, отдавая предпочтение странам с национально ориентированными науками и образованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Валлерстайн И. Мировосистемный анализ. Введение. URSS, 2020.
- Вебер М. Смысл «Свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (отв. ред.) Российское общество и вызовы времени. Кн. 4. М.: Весь Мир, 2016.
- Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М.: Весь Мир, 2020.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ИФ РАН, 2014.
- Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 1. С. 31–44. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04.
- Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М.: У Никитских ворот, 2018.
- Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: Ленанд, МГИМО, 2021.
- Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: концепты концепции // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современное варварство: причины и следствия // Политика. 2018. № 2 (89). С. 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22.
- Манифест российского трансгуманистического движения (электронный ресурс). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/> (дата обращения: 17.08.2022).
- Маркс К. Социология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Осипов Г.В. (ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. М.: Либроком, 2009.
- Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 4–17.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

- Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) Социологи России. История социологии в лицах: биобиблиографический справочник / ИС РАН, РГГУ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2019.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого я // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
- Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск: В.П. Ильин, 1997.
- Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // Вестник РУДН. 2017. Т. 17. № 4. С. 524–541.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.
- Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. Вып. 3. М.: Наука, 1995.
- Ядов В.А. Для чего нужна сегодня национальная российская социология? // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 16–21.
- Ядов В.А. И все же умом Россию понять можно. Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Albrow M. Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage, 1990.
- Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2006.
- Bauman Z., Obirek S. Of God and Man. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Castells M. Another Economy is Possible. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Castells M. Networks of Outrage and Hope. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Collins P.H. Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism. N.Y.: Routledge, 2005.
- Corber R.J., Valocchi S. (ed.) Queer Studies. Oxford: Blackwell, 2003.
- Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Parsons T. Evolutionary Universals in Society // American Sociological Review. 1964. Vol. 29. No. 37. P. 339–357.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
- Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Princeton: Princeton University Press, 2020.
- Ritzer G. The McDonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.
- Robertson J.O. American Myth. American Reality. N.Y., 1980.
- Robertson R. (eds) European Glocalization in Global Context. London: Palgrave Macmillan, 2014.
- Roudemetof V. Clocalization. A Critical Introduction. London, New York: Routledge, 2016.
- Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
- Tiryakian E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Arjomand S. (ed.) Social Theory and Regional Studies in the Global Age. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press, 2014.
- Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Winant H. The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II. N.Y.: Basic Books, 2001.

Статья поступила: 16.09.22. Принята к публикации: 28.12.22.

GEOPOLITICAL CHALLENGES AND RUSSIAN SOCIOLOGY

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Sociology Department, MGIMO University; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. The author analyzes geo-political and socio-digital-natural challenges to Russia, its national human capital, caused by a crisis of the liberal model of globalization, the transition from the unipolar to a multipolar world, the processes of hybridization of the socio-digital-natural reality. It is shown that their complex causality and consequences for society and nature are interpreted in a one-sided and politicized manner in the liberal sociology that dominates the West, whose representatives claim a "universality" of their theories. Principled response to these challenges were the sovereign modernization that began in Russia, embracing economy, digital technologies, science, education, and healthcare. In this context, a sovereignization of national sociologies is in demand, understood as nationally oriented interdisciplinary theories with sociological core based on modern trends of the complexity and non-linearity in the multipolar world making, hybrid socio-digital-natural realities in the context of which optimal ways for reproducing national human capital are argued for, improving lifestyles of Russian citizens, increasing competitiveness of the humanistic "humanization" in the macro and micro worlds of nature.

Keywords: geopolitics, crisis, liberal model of globalization, sovereignization/desovereignization, hybrid reality, nationally oriented sociology, human capital.

REFERENCES

- Albrow M. (1990) Introduction. In: *Globalization, Knowledge and Society*. Ed. by M. Albrow, E. King. London: Sage Publication.
- Alexander J.C. (2017) *The Drama of Social Life*. Cambridge: Polity Press.
- Baudrillard J. (2003) *To the Critique of the Political Economy of the Sign*. Moscow: Biblion-Russian book. (In Russ.)
- Bauman Z. (2006) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z., Obirek S. (2015) *Of God and Man*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2007) *Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2017) *Another Economy is Possible*. Cambridge: Polity Press.
- Collins P.H. (2005) *Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism*. New York: Routledge.
- Corber R.J., Valocchi S. (2003) (eds) *Queer Studies*. Oxford: Blackwell.
- Deleuze J., Guattari F. (1996) *Rizoma*. In: *Philosophy of the Postmodern Era*. Minsk. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Sytchev A.A. (2014) *Scandal. Socio-philosophical Essays*: [monograph]. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Eisenstadt Sh. (1995) Breakthroughs of the "Axial Time": Their Features and Origin. In: *Modern theories of civilizations*. Issue. 3. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Freud Z. (1997) Psychology of the Masses and Analysis of the Human self. In: *Psychoanalytic Studies*. Minsk: Potpourri. (In Russ.)
- Freud Z. (1997) The Future of One Illusion. In: Z. Freud. *Psychoanalytic studies*. Minsk: Potpourri. (In Russ.)
- Fromm E. (1995) Sane Society. In: *Psychoanalysis and culture. Selected Works of Karen Horney and Erich Fromm*. Moscow: Jurist. (In Russ.)
- Fromm E. (1997) *Man for Himself*. Minsk: Publisher V.P. Ilyin. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *The Run Away World: How Globalization is Changing our Lives*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Giddens A. (2009) *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Gorshkov M.K. (2020) "There is such a Profession – to Study Society". *Selected articles, interviews, biographical revelations*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (2016) (Responsible ed.) *Russian Society and the Challenges of the Time*. Book four. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

- Ivanov V.N. (2018) *Sociology in the USSR. Notes of the Director of the Institute*. Moscow: At the Nikitsky Gates. (In Russ.)
- Kateryn I.V. (2021) *Posthumanism. Man in the Era of New Sociality: Metamorphoses, Narratives, Dilemmas*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2021) Demand for a "Rigidity Turn" in Sustainable Development: Contours of a Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–22. DOI: 10.31857/S013216250015998-0. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The Complexity of the Formation of the New Russia. Anthroposociocultural Approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. (2018). Modern Barbarism: Causes and Consequences. *Politiya*. No. 2 (89): 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22. (In Russ.)
- Marx K. (2020) *Sociology. Collection*. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2009) (eds) *Global Crisis of Western Civilization and Russia*. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Parsons T. (1964) Evolutionary Universals in Society. *American Sociological Review*. Vol. 29. No. 37: 339–357.
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press.
- Popper K.R. (2020) *The Open Society and Its Enemies*. Princeton: Princeton University Press.
- Radaev V.V. (2013) Russian Sociology in Search of its Identity. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 4–17. (In Russ.)
- Ritzer G. (2000) *The Mcdonaldization of Society*. Pine Forge Press.
- Robertson J.O. (1980) *American Myth. American Reality*. N.Y.
- Robertson R. (2014) (eds) *European Glocalization in Global Context*. London, UK: Palgrave Macmillan.
- Roudometof V. (2016) *Clocalization. A Critical Introduction*. London, New York: Routledge.
- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. (2017) Challenges for today's Russian political elite, and ways to address them. *Vestnik RUDN. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2017. No. 4: 524–541. (In Russ.)
- Šhubrt I. (2021) *Reflections on modern Russian sociology and its prospects*. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8. (In Russ.)
- Sociology in Russia* (1998). Ed. V.A. Yadov. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Human. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1997) *The Main Trends of our Time*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sztompka P. (1991) *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge.
- Tiryakian E.A. (2014) Civilization in the Global Era: One, Many... or None? In: Arjoman S. (ed.) *Social Theory and Regional Studies in the Global Age*. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press.
- Toshchenko Zh.T. (2015) (ed.) *Sociologists of Russia. History of Sociology in Faces: Bio-bibliographic Reference Book*; Institute of Sociology RAS, Russian State University for Humanities. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (the experience of theoretical and empirical analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Urry J. (2011) *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press.
- Wallerstein I. (2020) *World-system Analysis. Introduction*. URSS.
- Weber M. (1990) The meaning of "Freedom from evaluation" in sociological and economic science. In: *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Winant H. (2001) *The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II*. New York: Basic Books.
- Yadov V.A. (2001) *And yet you can Understand Russia with Your Mind*. Russia: a Transforming Society. Moscow: Kanon-Press-C. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2008) Why is National Russian Sociology Needed Today? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 16–21.
- Zarubina N.N., Kravchenko S.A. (2022) "New Barbarism" in Civilization Perspective: Impact on Human Capital. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Research]. No. 1: 31–44. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04.

Received: 16.09.22. Accepted: 28.12.22.